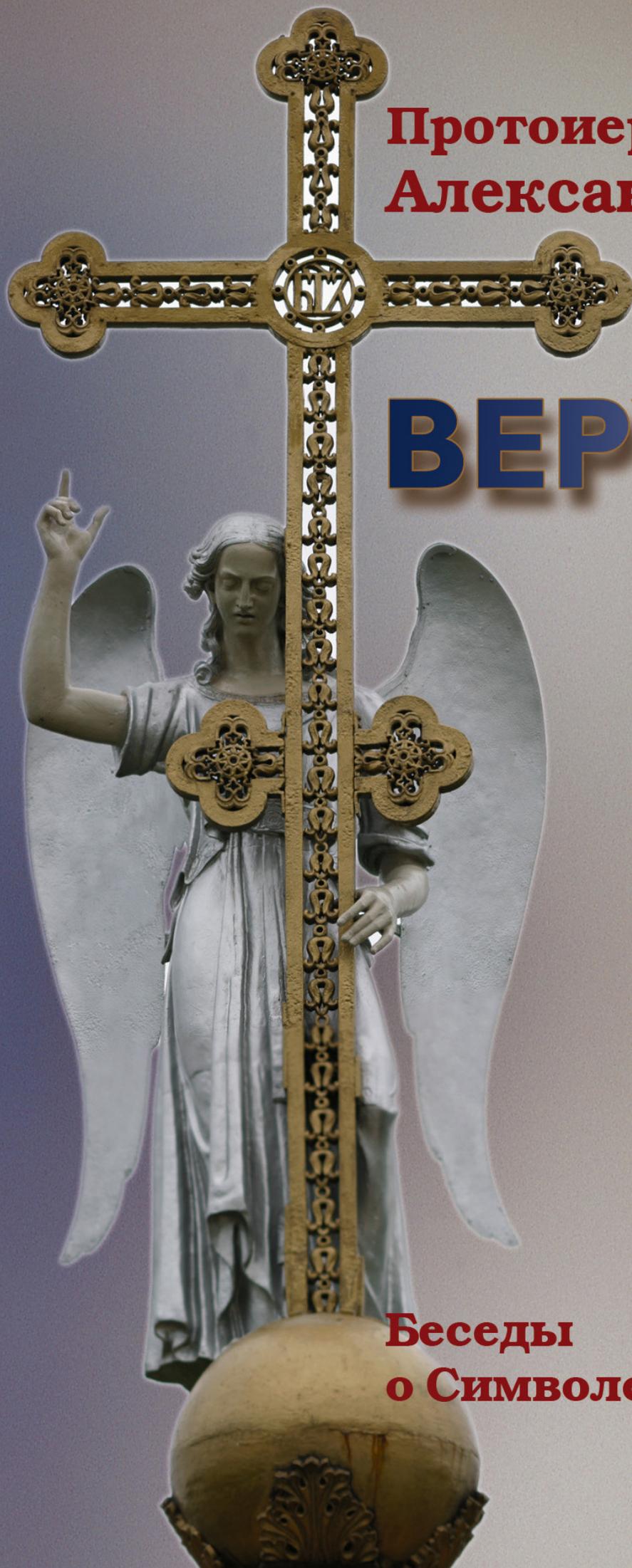

**Протоиерей
Александр МЕНЬ**

ВЕРУЮ...

**Беседы
о Символе Веры**

Александр Мень

**Верую... Беседы о Никео-
Царьградском Символе Веры**

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

2011

УДК 2
ББК 86.3

Мень А.

Верую... Беседы о Никео-Царьградском Символе Веры /
А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени
Александра Меня», 2011

ISBN 979-5-903612-27-6

Вера есть стержень, в котором человек обретает единство собственного «я». Поэтому потенциально каждый человек, даже воинствующий атеист, в подсознании своем является верующим. Неверующих людей не существует – потому что дух человека запрограммирован на бессознательное стремление к Высшему началу... вера есть состояние человеческого духа, которое достигается этим бессознательным восприятием смысла бытия. Если смысл есть – стоит жить. Когда смысл полностью уничтожается, у человека как бы выпадает стержень жизни и он заживо гибнет. Есть вера осознанная – такова христианская вера. Она осознает, к чему человек стремится и почему. Она-то и говорит нам о едином Боге Отце, Вседержителе, Творце неба и земли.

УДК 2
ББК 86.3

ISBN 979-5-903612-27-6

© Мень А., 2011
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 2011

Содержание

Беседа первая	7
Беседа вторая	15
Беседа третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Протоиерей Александр Мень Верую... Беседы о Никео- Царьградском Символе веры

Редакционная коллегия

Роза Адамянц, Наталия Вторушина, Павел Мень

Беседа первая

Каждый из вас, если зайдет в какой-нибудь из христианских православных храмов во время литургии, может отметить, что в какой-то момент службы хор перестает петь и поют все люди. Эта древняя традиция была возрождена сравнительно недавно, в первые годы революции, по инициативе патриарха Тихона. Инициатива эта была не случайной: поется Никео-Царьградский Символ веры – по мысли святителя, он должен был остаться в памяти людей на тот случай, если они будут лишены всего, даже писаного текста. А сам этот Символ для христианской Церкви исключительно важен; каждый христианин должен знать его наизусть и понимать его смысл. Поэтому для тех людей, которые готовятся к принятию таинства крещения, для тех людей, которые были крещены в детстве, но не были воцерковлены, для людей, которые хотят познакомиться с основами христианской веры, хотят знать основы мировой европейской и русской культуры, заключенные в христианстве, знание главных пунктов и сущности Никео-Царьградского Символа необходимо. Для историков, литературоведов, искусствоведов, писателей, поэтов, людей самых различных творческих специальностей, работающих в разных областях гуманитарного знания, также необходимо знание этого фундаментального Символа. Поэтому, кратко излагая вам его смысл, я буду ориентироваться на всех людей: и на готовящихся к крещению, и на тех, кто был крещен, и на тех, кто хочет посмотреть на это просто глазами культурного человека. Мы ничего не навязываем – Церкви чужда идея агитации, – мы просто свидетельствуем.

Во-первых, что такое Никео-Царьградский Символ веры в буквальном смысле этого слова? Никея – старинный город в Малой Азии, где в 325 г. при императоре Константине Великом был собран всеимперский съезд епископов христианской Церкви для решения важнейших духовных и организационных проблем. Он назывался Вселенским собором – первым по счету. Вселенная, *ойкумена*, в то время была синонимом Римской империи. Собор – это старое церковнославянское слово, которое обозначает собрание людей, собрание представителей Церкви.

И на этом I Вселенском соборе в 325 г., то есть через несколько лет после того, как император Константин Великий провозгласил в своей империи свободу вероисповедания, было зафиксировано краткое исповедание веры, которое человек, вступающий в Церковь, должен был произносить при крещении, в процессе того обряда, который крещению предшествует. Обряд этот мы называем *оглашением*, когда человек, получивший наставления в основах веры, свидетельствует не только о своем желании, но и о своем сознательном стремлении вступить на путь, к которому призывает Христос.

Дополнения к Символу веры были сделаны спустя полвека, в 381 г., на II Вселенском соборе в Константинополе. В Древней Руси этот город называли Царьградом, и потому это исповедание веры стало кратко называться Никео-Царьградским Символом.

Почему символ? Символ – очень емкое и полисемантическое слово. Символ есть знак, обозначающий некую стоящую за ним реальность (на этом было построено целое литературно-философское течение – символизм). В конце концов, и наш язык, и наше искусство, и очень многое из того, что пронизывает человеческую цивилизацию и духовную культуру, невозможно себе представить без символов.

Перечислять я не буду, но обращу ваше внимание только на одно. Не говоря о знаках, эмблемах, всевозможных условных обозначениях, возьмем только слово. Слово – это удивительная вещь. Это сигнал, который одна душа передает другой душе. Сигналы, которые подают друг другу животные, – это простые сигналы: опасность, призыв, предупреждение, констатация факта, что, скажем, место занято – здесь мое гнездо. Таковы сигналы (или мы можем сказать «символы», но – в кавычках) в мире животных.

Человеческие символы – иные. Они являются таинственными связями между отдельными островами-душами. Потому что каждая душа живет в особом мире. И недаром Тютчев говорил: «Мысль изреченная есть ложь». Легко себе представить, насколько трудно передать подлинные глубинные переживания. Переживания тайны мира, переживания любви, переживания полноты жизни или отчаяния совсем не укладываются в слова. Но я прошу вас обратить внимание на одну замечательную вещь. Когда Федор Иванович Тютчев сказал: «Мысль изреченная есть ложь», – он ведь эту мысль все-таки изрек, и в прекрасной поэтической форме.

Как бы ни был несовершенен наш язык, как бы мало он ни был способен охватить таинственные пласты бытия, он все-таки нам нужен. Вот элементарный пример. Когда человек говорит, что он любит другого человека, каждый из нас вкладывает в эти древнейшие слова нечто свое, неповторимое, и все-таки он говорит те же слова, что говорили его отцы, деды, далекие пращурсы. Оказывается, эти слова продолжают работать тогда, когда за ними стоит определенная душевная и духовная реальность.

Итак, любое слово – это символ. Но символы особенно важны для нас там, где мы соприкасаемся с реальностью невыразимого, с реальностью того, что выходит за пределы легкопередаваемых событий и фактов. Музыка существует для того, чтобы по-своему передать эти переживания. Поэзия – тоже. Но заметьте, что подлинная поэзия, когда она говорит о высочайшем, о таинственном, о духовном, о божественном, только тогда достигает своей цели, когда говорит косвенно, намеком.

Те, кто более или менее знаком с поэзией, вероятно, согласятся со мной, что когда поэт, даже крупный, пытается в лоб говорить о вещах, превосходящих наш обычный уровень, его покидают силы. Всегда вспоминаются заключительные строки «Божественной комедии» Данте. Когда он, описывая все мироздание, приближается к тайне вечного двигателя мира, Первопричины мира, Творца, он пытается охватить, осознать это и говорит, что здесь изнемог взлет его духа. Он уже ничего не мог сделать. Поэтому наиболее адекватна здесь символическая духовная поэзия, которая говорит с нами намеком, которая сигнализирует от души к душе лишь слегка, чтобы тот, кто может понять, понял, кто не понял – прошел мимо.

Кстати, так же построена и иконопись. Она вовсе не претендует на адекватное изображение какой-то вещественной реальности. Это сумма символов. Вспомните новгородскую икону Илии-пророка в Третьяковской галерее с ее кроваво-красным фоном: этот напряженный цвет – символ бури, грозы, того внутреннего огня, который сжигает пророка. Вспомните мягкие, плавные линии «Троицы» преподобного Андрея Рублева, таинственный круг, который можно прочертить, глядя на эти три фигуры. Это символы. Иконописец отнюдь не притязает на то, чтобы изобразить неизобразимое, изобразить Бога; это было запрещено в Библии, потому что Божественная Вечность абсолютно превосходит все земное.

И вот истинный художник дает нам символ. Что изображено на иконе Рублева? Воплощенная любовь, Трое, ведущие молчаливую беседу. Между ними – эти узы, это поле любви. Они похожи друг на друга и в то же время они разные; они одно и одновременно отличаются. Их связывает тайна любви – любви отдающей. Стол с жертвенным животным обозначает жертву Вечности, которую Бог приносит для того, чтобы приблизить мир к Себе и спасти его.

Впоследствии, в эпоху упадка духовного и художественного вкуса, стали изображать так называемую новозаветную Троицу, где одно лицо Божества изображалось в виде старика, другое в виде Иисуса Христа (каким Он был воплощен) и третье – в виде голубя. Это уже не символическое изображение. Это крайне неудачная попытка реалистического изображения.

Духовная литература, древняя священная мудрость Библии, догматы Церкви построены на принципах символизма. Они являются знаками, передающими людям Высшую реальность, которая открылась им во всей своей парадоксальности.

Иногда спрашивают, почему Бог Один – и в трех лицах. Не проще ли было сказать, что Он просто Один? Наверное, рассуждая логически, это было бы так. Но духовный опыт христи-

анства был иным, и пришлось жертвовать рассудочной логикой и создать догмат антиномичный, парадоксальный или диалектический, как бы это ни называть.

Так же в отношении догмата о Христе. Кто Он? Человек? Да, отвечает Церковь, подлинный Человек. Значит Он – не Бог? Нет, говорит Церковь, Он – подлинный Бог, истинный Бог. Парадокс, противоречие? Проще было бы убрать одно из утверждений, чтобы все сошлось логически? Но нет. На самом деле Высшая реальность открылась как сверхлогическая тайна. И ничего не оставалось делать, как принять ее в парадоксальном виде, такой, как она открылась.

Постигая законы мироздания, человек постепенно пришел к выводу, что и природа в глубине своей тоже построена на парадоксах. Возьмем хрестоматийный пример.

Анри Бергсон говорил, что наша элементарная логика есть логика твердых тел, то есть каких-то простейших соотношений. Между тем, уже физика знает столько парадоксов, что наше рассудочное мышление как бы останавливается перед ними. Мы знаем, что существуют другие системы математики. Для простой рассудочной логики параллельные линии никогда не сойдутся, но для неевклидовой геометрии они сходятся; для логики вещь является либо непрерывной, либо прерывной – для физики частицы одновременно являются и непрерывными волнами.

Иными словами, человеческое мышление не может охватить целиком всю реальность. Поэтому физики создали так называемый принцип дополнительности. Это очень важный научный принцип. Он полностью подходит и к догматике, более того, – принцип дополнительности был употреблен в догматах Церкви задолго до Нильса Бора и других, кто этот принцип выдвигал в науке. Он заключается в том, что значительные и фундаментальные явления действительности могут быть описаны только в противоречивых терминах; соединяющего их интегрального описания невозможно найти в принципе – его не существует.

Отец Павел Флоренский, один из выдающихся христианских мыслителей XX в., говорил, что целокупная истина, падая с неба, как бы разбивается на отдельные части, и мы видим ее в таком расколотом состоянии. Еще Гегель отмечал, что Никео-Царьградский Символ веры изложен не в умозрительной форме, то есть это не философская или богословская система, – это цепь образов. Я бы сказал, художественных, емких образов, намекающих на ту Реальность, которая стоит за этими словами.

Первое слово, которое произносит читающий Символ веры, – *Верую*. Часто это слово употребляется в негативном контексте, например – «слепая вера». Мы решительно протестуем против такого определения. Наоборот, вера является не слепой, а ясновидящей. Каждое познание требует определенного подхода.

Как говорил русский философ Иван Ильин, один из крупнейших метафизиков XX в., необходимо осуществить «правильный акт» (у него было такое выражение). Он говорил, что если человек хочет увидеть картину, он должен иметь глаза – слепой или человек с завязанными глазами картину не увидит. Если хочешь слушать симфонию Бетховена, надо, чтобы у тебя были уши, слух. Если хочешь познать любую вещь – мельчайший объект, для этого нужны микроскоп и другие приспособления; для отдаленных объектов – радио- и другие телескопы.

Для того чтобы постичь высшую реальность, духовную реальность, инструментом служит наш собственный дух. И когда люди говорят, что им надо «пощупать Бога руками – где Он, покажите!» – то здесь содержится некое недоразумение: ведь самые важные на свете вещи пощупать нельзя. Покажите мне человека, который когда-либо пощупал совесть, любовь, вдохновение, мудрость. То, что делает человека человеком, то, что является главной особенностью нашего человеческого бытия, основано на вещах, которые нельзя пощупать.

С определенного времени в истории, лет 300–400 тому назад, у человечества стало возрастать искушение придавать самое большое значение вещам, которые можно пощупать, измерить и взвесить. Никто не возражает – эти вещи существуют, и изучать их, и пользоваться ими, и создавать их человеку необходимо. Но когда возникло увлечение ими, когда уже ничего не

оставалось, кроме чувственного мира, человек ступил на ложный путь развития. Потому что он тем и отличается от животного мира, что в нем возможно развитие сверхчувственных сил и способностей.

Познание, любовь, свобода – это все сверхчувственные вещи, сверхвременные. Подчеркиваю, они потенциально заложены в человеке как способные стать сверхвременными. Но перед нами огромное искушение. Человек ставил себе задачу: иметь как можно больше пищи, одежды, хорошие материальные условия личной жизни. Хорошо это? В принципе, да, – но только при условии, если человеческое в нем также будет развиваться. Ибо иметь как можно больше жилья, одежды и так далее – это не человеческое, это у нас общее со всеми живыми существами. И птица должна иметь гнездо, и звери должны иметь нору, и антилопа должна иметь место, где она будет пастись, и каждая птица имеет свой охотничий регион, где она может питаться. Это общебиологическая закономерность, борьба за существование. Конечно, она есть и у растений, и у животных, и у человека.

Но человек стал человеком тогда, когда в нем появилось особенное начало, которое над всем этим возвышается. Если мы возьмем лучших – подчеркиваю, лучших представителей человечества: великих мудрецов, святых, поэтов, художников, героев, – то мы сразу увидим, что ради своего внутреннего мира, ради своих принципов, идей, убеждений они часто шли вразрез с потребностями тела. Они могли не спать ночами, долго обходиться без пищи, жертвовать удобствами, семьей, комфортом, даже жизнью. И когда человек устремлялся только на материальное, он начинал душировать в себе эти высшие потребности.

И возникли две модели. Одна модель – реальное стяжательство. Реальное стяжательство означает, что человек целиком устремлен на материальные блага. Эта болезнь до сих пор существует во всем мире. Чем она кончается? Катастрофой, особой катастрофой, потому что человек здесь обманывает свою природу и, пресыщенный, начинает бесноваться. Вот откуда в высокоразвитых странах возникают самоубийства, наркомания и прочее.

Вторая модель – утопия, когда материальное благополучие не дается, но без конца обещается. И поэтому люди к нему стремятся в течение десятков лет, через всяческие жертвы, как к некоей недостижимой цели, и в конце концов не достигают ни духовного, ни материального. Все это тоже кончается глубоким нравственным, социальным и хозяйственным кризисом.

Только гармония между духовным, физическим и психическим в человеке может обеспечить нормальное, гармоничное развитие.

Вера есть стержень, в котором человек обретает единство собственного «я». Поэтому потенциально каждый человек, даже воинствующий атеист, в подсознании своем является верующим. Неверующих людей не существует – потому что дух человека запрограммирован на бессознательное стремление к Высшему началу.

История XX в. доказала нам это с необычайной наглядностью. Недаром Мао Цзэдун перед смертью говорил одному из журналистов, что он понял значение тайны Бога, только раздумывая над собственным культом. Он понял, что человек, лишенный представления о Боге, в конце концов будет обоготворять все что угодно. И это оказалось совершенно очевидным.

Во всех странах, где так или иначе пытались уничтожить понятие о Божественном начале, его немедленно подменяли чем-нибудь другим, гораздо более вульгарным, гораздо более ничтожным; создавался идол, в роли которого оказывались либо отвлеченные социальные призраки, либо политические деятели, из которых больше половины были негодьями – всегда, во все века.

Итак, вера есть бессознательное стремление человека к высшему смыслу бытия, его принятие. Более того, вера есть состояние человеческого духа, которое достигается этим бессознательным восприятием смысла бытия. Если смысл есть – стоит жить. Когда смысл полностью уничтожается, у человека как бы выпадает стержень жизни и он заживо гибнет. Есть вера осо-

знанная – такова христианская вера. Она осознает, к чему человек стремится и почему. Она-то и говорит нам о *едином Боге Отце, Вседержителе, Творце неба и земли*.

Это первый пункт Символа веры. Бог – единый. Почему? Потому что человек всегда ощущал за многообразием духовных и физических начал нечто единое. И наука оказалась на том же пути. Падает метеорит. Ученые изучают его состав. Оказывается – те же элементы, что и на Земле. Спектральный анализ проникает в глубины звезд, открывает их состав – там та же таблица Менделеева. Всюду действуют общие законы, все как бы подчинено некоему единому замыслу. Недаром знаменитый английский астроном Джеймс Джинс говорил, что Вселенная сегодня больше похожа на огромную мысль, чем на огромную машину.

Что стоит за этим совершенством Вселенной? Откуда эта закономерность? Когда нам говорят, что нет чудес, я сразу думаю о том, что самое большое чудо – существование мира, причем чудо, которое человек может познать.

Аристотель говорил, что всякое познание, и научное в том числе, начинается с удивления. Человек изумляется тому, что он видит. Вторя ему, Альберт Эйнштейн писал, что тот, кто потерял способность изумляться, душевно мертв. Знать, что существует сокровенная реальность, которая является как высшая мудрость и совершенная красота, – это знание, это убеждение есть ядро подлинной религиозности.

В эпоху создания классической механики, которая предшествовала эйнштейновскому пониманию мира, один из основателей небесной механики, Иоганн Кеплер, говорил: «Когда я изучаю законы мироздания, я как бы прикасаюсь к Богу руками».

В XVIII в. шведский ученый Карл Линней, создавший классификацию животных и растений, которой мы до сих пор пользуемся, закончив свою работу, написал: «Бог прошел мимо меня, я видел Его в Его творениях». Основатель экспериментальной науки Фрэнсис Бэкон писал: «Лишь поверхностное знание уводит от Бога, глубокое познание, напротив, опять к Нему возвращает».

Несколько лет назад в Москве вышла книга «Диалоги». Там, в частности, помещена статья физика Чарлза Таунса, нашего современника, одного из создателей лазеров. Статья эта называется «Единство науки и религии».

Как наука постигает материальную часть мира, так вера познает его духовную основу. Но и та и другая теснейшим образом связаны между собой – потому что и та и другая познают в конце концов Творца и Тайну. Удивительно, что человек способен ощутить Творца просто интуитивно. На самом деле наше глубинное интуитивное познание – это и есть тот орган, который может постичь «Отца всяческих».

Когда человек смотрит на жизнь не поверхностно, когда он не скользит по вещам, когда он задумывается над чудом атома, клетки, расцветающего цветка, сложностью собственного устройства, то чем больше он проникает в это, тем сильнее его бесконечное изумление.

Вселенная – гигантский организм. Любая вещь, созданная человеком, требует усилий, искусства, таланта и разума. Но насколько велик и необъятен должен быть тот разум и тот гений, который стоит за всей Вселенной! К нему подводит нас все то, что нам известно о мироздании.

Разумеется, я не буду останавливаться на примитивных аргументах, которые вытаскивали из пыльных ящиков лет тридцать назад, когда я еще только начинал служить. Я помню, тогда был плакат с изображением спутников. И там была забавная надпись от лица спутников, что они всю Вселенную обошли – нигде Бога не нашли. Конечно, вызывало сомнение само это утверждение, что они обошли всю Вселенную. Надо иметь некоторое представление о том, что такое Вселенная, чтобы понимать, насколько такое утверждение бессмысленно.

В связи с этим вспоминается притча, написанная Солоухиным о том, как один карась решил выяснить, что происходит «по ту сторону». Выпрыгнув из воды на несколько сантиметров, он плюхнулся обратно и заявил: «Ну, там никакой жизни нет, конечно, там вообще жить

нельзя». Так вот, человек поднимается над своей планетой не больше, чем этот карась – над своей.

Но в пространстве Божественное начало вообще искать нельзя. Бог не находится ни тут, ни там. Он здесь или всюду, Он пронизывает всё. И когда человек постигает Его, он постигает не вещь, которую можно сфотографировать или измерить, – он открывает Его своим внутренним взором.

В свое время было принято говорить, что эта вера, которую мы называем религиозной, уводит человека от жизни. Между тем только она и наполняет смыслом нашу жизнь. Значит, для чего-то мы созданы, значит, для чего-то создана Земля, для чего-то создана вся природа, к какой-то цели Высший разум ведет и человека, и жизнь. И тогда Он дает нам вдохновение, тогда мы не просто пузыри, которые лопаются на поверхности кипящей жидкости, а каждый из нас является образом и подобием Творца.

О Боге Символ веры говорит как об Отце и Творце неба и земли. Что это значит? Понятие *отец* подчеркивает, что это не безличная стихия вроде той, которую изобразил Карел Чапек в романе «Фабрика Абсолюта». Там, в этом фантастическом романе, герои выделили из материи некий сверхъестественный элемент. Нет, это не стихия. Отец – это личностное начало. Потому и человек – личность, что он отображает в себе высшее личностное начало Божие – Творца неба и земли.

Что такое небо и земля? Это очень древнее обозначение Вселенной. Еще за шесть тысяч лет до нас древние шумеры называли Вселенную *Ан-ки*, что значит «небо и земля» – два полюса бытия. Также и Библия начинает свое повествование словами «В начале сотворил Бог небо и землю», то есть все основные параметры Вселенной.

И еще два параметра указываются в Символе: *Видимым же всем и невидимым*. Он – Творец всего видимого и невидимого. Эти слова приводят нас к идее двойственности всего мироздания, двойственности нашей природы. И человек, который является микрокосмосом, то есть маленькой вселенной, соединяет в себе все. В наших тканях, в наших костях живут минералы. В каждой клетке нашего организма заложены те же принципы, что и в клетке любого растения. В нашей физиологии заложено все то, что есть в физиологии высших животных. Но, кроме этого, у нас есть еще и невидимое начало, то самое начало, которое мы называем духом. Душа, если говорить строго, является связующим звеном между духом и телом.

Дух отличается прежде всего творчеством. Только дух творит. В животном мире творчества нет. Поэтому человек похож на Бога. Дух познает нравственные ценности, выбирает между добром и злом. Дух свободен, потенциально свободен – поэтому человек несет ответственность за свои поступки. Дух не материален, он не имеет цвета, формы, веса, не занимает пространства, поэтому он и неразрушим.

Почему разрушима материя? Потому что она из чего-то создана: из молекул, атомов, элементарных частиц, которые двигаются в пространстве. Что такое движение? Это изменение местонахождения в пространстве. Творчество, сознание, любовь не находятся в пространстве, поэтому материальное движение им недоступно, и разрушение тоже. Душа человека внутренне обогащается, она может расти, но рост ее не материальный. Растет дерево, растет организм. Растет и дух – но совсем по-другому. Все свойства духа суть *динамические* величины. Я подчеркиваю, динамические величины, то есть они могут увеличиваться и уменьшаться. Можно закопать талант в землю, можно его развить; можно учиться любить, а можно подавить в себе это стремление, и т. д. То есть не надо думать, что этот дар нам дается в готовом виде, что он появляется, как Афина из головы Зевса, и больше ничего не надо добавлять. Нет, вся человеческая жизнь является развитием духовных свойств. Библия называет эти свойства *образом и подобием* Творца.

Человек является образом и подобием природы, я уже говорил об этом. А как творец, как познающий добро и зло, как мыслящий, охватывающий всю Вселенную, он – подобие своего Создателя. В этом отношении он бесконечно возвышается над всем.

Блез Паскаль, знаменитый физик и философ, писал, что человек – былинка, тростинка, что ничего не стоит уничтожить его, малой капли достаточно, чтобы его убить. Но если вся Вселенная обрушится на него, он будет выше ее, потому что она обрушится на него бессмысленно, бездумно. Только он один будет понимать, что он погибает.

Человек явился в последний миг истории мира. Для нас остается тайной, создан ли он только на Земле или и в других мирах. Практически сегодня мы говорим пока только о нашем, земном человечестве. Могут быть два варианта: либо Бог заселил Вселенную другими человечествами, либо наше человечество является эпицентром, откуда со временем пойдет разумное заселение всей Вселенной. Но важно другое, то, что мир, согласно Библии, согласно Священному Писанию, – это не готовая вещь, а некая заданность, призвание человека. И когда человек изменяет своему призванию, он начинает разрушать мир. Вместо того чтобы его преобразить, одухотворить, он его загаживает. Вместо того чтобы развивать способности духовного познания, он тупеет. Вместо того чтобы углублять братство и любовь, он звереет. И это в конце концов приводит к тяжким последствиям.

Не надо думать, что Божественное наказание есть наказание уголовное. Часто меня спрашивают, почему говорят: «Бог наказал» и прочее. Нет, Бог не уголовная инстанция. Но Он создал определенный нравственный миропорядок, и в этом нравственном миропорядке посеянное зло в конце концов оборачивается против того, кто его посеял. Человек несет ответственность за то, что он создал, причем эта ответственность связана с глубокой солидарностью людей. Люди связаны между собой, и когда мы творим зло, то это не наше личное дело – это всегда распространяется вокруг.

Таким образом, первый пункт Символа веры касается главного пункта любой религии. То, о чем я сейчас говорил, является догматом и ислама, и иудаизма. И даже язычники, которые почитают Божество в отдельных явлениях природы, все-таки знают, что за отдельными явлениями сокрыта Высшая реальность. Поэтому первый пункт Символа веры вводит нас только в преддверие христианского вероучения. Пока это еще религия в самом широком смысле этого слова. Является ли это отвлеченной теорией, метафизикой, богословием, философией? Нет, и богословие, и философия лишь осмысливают ее.

На самом деле для каждого человека существует возможность глубочайшей таинственной личной встречи с Высшей реальностью. Человек может и должен всегда искать к ней путь. У нас никогда не будет полноты жизни или того, что мы называем счастьем, если мы будем отрезаны от этой Реальности. Мы никогда не будем по-настоящему счастливы, если будем подменять ее идолами: рано или поздно идол упадет и мы увидим, что он бессилен и бесславен.

В течение ста тысяч лет, с того момента, когда человечество осознало себя, оно всегда было устремлено к Небу, всегда искало Бога. Как говорит нам Библия, Бог создал человека, и человек Его ищет – а на самом деле Он не далек от каждого из нас. Так сказано в 17-й главе книги Деяний апостолов. История человеческого духа и культуры – это история богоискания. И только на отдельных отрезках истории как бы вспыхивало черное пламя бездуховности – попытка отказаться от стремления к Вечности. Таковы были попытки материализма в Древней Индии, Древнем Китае Древней Греции и в нашем столетии. Но это аномалии духовного развития. Нормальное духовное развитие всегда проходило под знаком веры, под знаком того, что мы называем религией.

Слово «религия» происходит от латинского *religare* – связывать. Мы – отдельные люди, и существует тайна, которая нас связывает друг с другом, связывает нас с Высшим, связывает нас с целью бытия и каждому в отдельности придает непреходящий смысл. Мы больше не песчинки, мы больше не мусор и не осенние листья, которые падают на землю. Каждый из нас

бесконечно драгоценен, как жемчужина, извлеченная из волн. Каждая душа – это жемчужина. Все зависит от того, как она обработана. А обработка – это и есть духовная жизнь, духовное усилие.

Таков первый пункт Символа веры. Дальше мы будем двигаться по основным темам Символа. Разумеется, я не могу охватить эту неисчерпаемую проблему во всей полноте. На некоторые вопросы я попытаюсь ответить позже. А сейчас я благодарю вас всех. Я был очень рад, что вы собрались здесь, чтобы услышать древнее и вечно юное слово Церкви – тот Никео-Царьградский Символ, на котором стояло христианство в течение столетий и будет стоять неизменно, все время открывая в нем новые и новые глубины, все время постигая его, ибо здесь – путь, не имеющий конца, путь в бесконечность. Это открытая модель, модель полета и путешествия к свету.

Беседа вторая

Бог открылся человеку как Бог живой, как Бог, говорящий с ним. Познание Бога – не односторонний процесс, как познание природы; это – встреча. Поэтому здесь мы употребляем слово *Откровение*, но не открытие. Открытие в сфере природы всегда есть нечто одностороннее – человек познает природу. Когда человек познает Бога – они встречаются. Это встреча двух личностей. Это диалог.

Слово *Отец* завещано нам Самим Иисусом Христом. Он вкладывал в это слово и эмоциональную теплоту (Отец как заботящийся, как любящий), и таинственный смысл, связанный с Его личностью. Он наш Отец, и Он – Его Отец, но совершенно по-разному. Мы подойдем к этому впоследствии, когда будем говорить о личности Христа.

Мы называем Его также *Вседержителем*. Вседержитель – это тот, кто постоянно поддерживает бытие. Бытие нам не принадлежит, мы его получаем и можем утратить. В 103-м псалме сказано: когда Бог лишает мир Своего Духа, все превращается в пыль, «в персть свою возвращается». Значит, таинственное имя Божие – Суший, которое, вероятно, звучало как *Яхве*, означает: «Тот, Кто имеет Бытие», «Кто есть». И когда пророк Моисей спросил Его: «Кто Ты?», Он ему ответил: «Я – Тот, Кто существует». Таково определение Бога.

Он – Вседержитель, *Творец неба и земли*. Не изливание, не эманация, не единосущность человека и Бога или природы и Бога, а нечто совершенно иное. Между абсолютным Творцом и творением – нами и всем остальным, что создано, – лежит пропасть, потому что мы суть тварь, творение. И это – одна из особенностей христианского видения бытия. «Да будет свет», – говорит Бог. *Да будет* – Он создает из ничего. И это не значит, что ничто есть какая-то сущность; просто бытия не существовало, и Он дал ему начало.

Обратимся ко второму тезису Символа веры, который звучит так: *И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия*.

Для того чтобы понять эти слова, необходимо обратиться к Библии, к Священному Писанию, потому что без него мы не поймем ни одного из этих слов. Ибо Иисус – земное имя Бога, открывшегося в человеке. Христос – это понятие, означающее «царь», «помазанник». Почему «царь» и что означает Сын Божий – об этом мы будем говорить далее.

Итак, Бог Священного Писания, Бог Библии, – это тот Бог, Который говорит человеку. И Откровение Его, то, что Он вкладывает в человеческое сердце, записано мудрецами и пророками древнего Израиля, а уже в новую эру – апостолами, которые составляли Евангелие и другие книги Нового Завета.

Не следует думать, что боговдохновенность Священного Писания заключается в том, что авторы его писали как бы в трансе, писали как бы под диктовку. Уже Отцы Церкви показывают нам, что такое мнение – а оно существовало – ложно. Ибо каждый из библейских авторов пишет в своем стиле, у него есть свой язык, свои литературные приемы, свой характер. И даже если мы возьмем четырех евангелистов (Евангелие наиболее доступно, многие из вас его читали), сразу же можно отметить глубокое различие между скупым, лаконичным, немного простонародным языком Евангелия от Марка и языком Евангелия от Иоанна с его длинными речами, обилием диалогов, с его совершенно иным построением. Поэтому мы можем говорить о боговдохновенности Библии как о некоей Богочеловеческой тайне, как о пересечении двух миров: души человека – сына своего времени, человека, который пронизан идеями своей эпохи, с особенностями своего языка и страны, – и потока Духа, который через него протекает.

Образно это можно выразить так: как солнце, проходя через кристалл, через цветное окно витража, меняет свой цвет и свет, так и Откровение, проходя через душу пророка или апостола, передается по-разному. И поэтому необходимо помнить: хотя мы иногда говорим,

что Библия имеет одного автора – и это Бог, но в то же время у нее много авторов – это люди, и люди совершенно разные.

Вопрос о том, как отделить в Библии то, что является центральным и существенным, от преходящего, временного, частного, и составляет как раз предмет одной из дисциплин обширной библейской науки. Но каждый человек, который открывает Священное Писание не только из любопытства, а для того чтобы услышать голос, обращенный к нему, услышит этот голос через века, через особенности языка, стиля и конкретного мышления.

Библия делится на две части: Ветхий Завет и Новый Завет. Что связывает их? Одно слово, одно понятие, одна реальность, одна сила. Мы определяем ее как Христос.

Христос – значит «Царь». О Нем говорит Новый Завет, его предвосхищает Ветхий Завет. Но почему «Царь»? Что значит для нас это Царствование и откуда этот термин?

Для начала я скажу вам о Завете. Когда человек, обуянный гордыней, бросает вызов природе и Богу, он хочет действовать сам. И хотя такие порывы часто кажутся нам возвышенными, они обречены на поражение. Когда человек склоняется перед Богом как перед деспотом, как перед давящей и беспощадной, деспотичной силой, он подменяет истинного Бога – Бога свободы и любви – идолом. Против всего этого выступает, этому противостоит центральная библейская идея Завета. На древнееврейском языке это слово звучит как *berít*, по-русски – *союз*, а по церковнославянски – *завет*. Это союз между Богом и человеком.

Вы спросите, может ли быть союз между преходящим, несовершенным, эфемерным существом, каковым является человек, и Божественной вечностью, «Тем, Кто создал мирозданье, Самовластным, Всемогущим», – как говорил Шота Руставели. Оказывается, это возможно. Почему? Та же Библия учит нас, что Бог поднимает человека. Он создал его из праха, из пыли, но вдохнул в него дыхание жизни от Самого Себя. Таким образом, тайна человеческого двуединства, тайна парадокса человеческого существования заключается в нашей сопричастности как природе, обреченной на изменение и умирание, так и небесному, духовному, Божественному.

Человек призывается быть сотворцом, соучастником Бога. Он как бы становится Его подобием на земле. И Библия прямо употребляет этот термин – человек есть *образ и подобие* Творца. Господь говорит: «Сотворим человека по образу и подобию Нашему». А если так, то человек – потенциально свободное существо, человек – творящее существо, человек – существо мыслящее, самосознающее и постигающее нравственные истины, существо этическое. И поскольку человек несет в себе образ и подобие Божие, он выше всего в мироздании, он сразу вырастает над миром, он становится исполином – по сравнению с природой, но не по сравнению со своим Творцом. Но зато он может быть с Ним соотнесен. И поэтому Бог осуществляет свои замыслы через нас, людей: через всех вместе и через каждого отдельно.

Библия учит нас тому, что в этом мире замысел Творца не господствует, не торжествует, не царствует, что в этом мире, который открыт свободе, буйствуют демонические силы, противящиеся гармонии мироздания, противящиеся конечным целям Божества; Иисус Христос называет сатану «князем мира сего». И в свете этого мы можем понять библейский термин «Царство Божие», или Царствование Бога. Царство Божие – это цель мироздания, та песнь гармонии, та полнота бытия, то бесконечное совершенствование, которое открывается перед природой только тогда, когда она сама выберет этот Божественный путь.

Но как природа может выбрать, если она не имеет свободной воли? Она имеет ее в нашем лице: потому что человек есть природа, осознавшая саму себя. Человек есть венец природы, и мы несем ответственность за животных, за растения, за всю планету – мы от ее лица предстоим Богу.

Апостол Павел говорит, что вся тварь (то есть все творение) «стенает и мучается», ожидая откровения сынов Божиих. Это мы – сыны Божии, дети Божии, мы должны ими быть. И когда человек отстает от этого призвания, он становится угнетателем природы, ее растли-

телем, разрушителем; он поворачивается спиной к собственному Творцу, он разрушает свою душу. Вместо гармонии и полноты, симфонии жизни он создает чудовищную какофонию зла, распада и гибели.

Вы можете спросить: а как же Творец этого не предвидел? Это наивный вопрос, который умаляет Творца и изображает Его в виде какого-то мастера, изготовляющего робота, который потом выходит из-под контроля. Это совсем не так.

Если мы свободные существа – значит, для нас открыта потенциальная возможность избрать ложный путь. Но когда мы получим те последствия, которые влечет за собой этот выбор, мы не должны говорить, что повинен Бог: ибо Он через своих мудрецов и пророков и, наконец, через Евангелие Христово предупредил нас об этих последствиях.

«Вот, – говорит Он через пророка Моисея, – Я полагаю перед тобой два пути: путь жизни и путь смерти». Тогда вы спросите: «А почему же человек так часто выбирает путь смерти?» Рационального, философски отвлеченного, логически обоснованного ответа на этот вопрос нет и принципиально быть не может.

Великий русский мыслитель Николай Бердяев подчеркивал, что до конца объяснить волю ко злу – значит его оправдать и рационализировать, то есть сделать его разумным, а воля ко злу – это слепой порыв. И мы из своего личного опыта способны почувствовать эту абсурдность, эту чудовищность, это безумие зла. В истории человечества зло, как правило, было иррационально. Если мы бросим взгляд хотя бы на события нашего XX столетия, мы увидим здесь столько настоящего безумия, что невольно возникает вопрос о массовом сумасшествии людей.

Ничего по-настоящему рационального не было в деяниях диктаторов, угнетателей, тиранов. Что толкнуло Адольфа Гитлера на войну против нашей страны? Разве рассудок, разве здравый смысл? Что толкало Сталина на войну против собственного народа? Разве здравый смысл? Если бы здесь был здравый смысл, Сталин понимал бы, что истреблять миллионы людей, причем лучших из них, – это значит через пару поколений поставить страну на грань катастрофы. Но он был в безумии и был окружен безумными людьми, такими же, как Гитлер. Только у Гитлера это безумие было очевидным, у Сталина же о нем было известно лишь Бехтереву и другим психиатрам, которые ставили ему диагноз «паранойя».

Итак, зло – это безумие, в глубину которого мы с вами никогда не погрузимся и никогда не поймем, что это такое. Только поэты, люди, интуитивно чувствующие и изображающие реальность, могут намекнуть на эту бездну. Но она существует.

И когда человечество противится Богу, Он не бросает его. В этом смысл библейского сказания о потопе. Многие люди начинают рассуждать, как два генерала у Салтыкова-Щедрина: был потоп или не был. А это аллегория. Разве вы думаете, что Библия описывала это событие просто потому, что была такая катастрофа? Да мало ли было глобальных катастроф на Земле, извержений, наводнений? Для чего в Священной книге понадобилось говорить об этом? Для того чтобы показать нам, что когда человечество изменяет своему призванию, мир теряет смысл и снова возвращается в водный хаос, то есть в первобытное состояние.

И вот Бог не дает погибнуть всему и все-таки находит среди нас тех, кто будет продолжать соучаствовать в Его труде. Здесь и возникает Завет – Завет Древний, или Ветхий. Первый его этап – Завет с Авраамом.

Почти за две тысячи лет до Р. Х. кучка людей покидает Месопотамию (современный Ирак) и движется на запад. В то время переселялись многие народы. Но эта группа людей, возглавляемая Авраамом, шла не просто в поисках новых пастбищ или новых земель. Причины переселения были религиозными.

Бог призвал Авраама и сказал: «Иди, оставь дом своего отца, оставь язычников, оставь свою землю, иди в другую землю, куда Я тебя поведу».

Серен Кьеркегор, знаменитый датский философ XIX в., писал: «Авраам стал героем веры, потому что он пошел навстречу неведомому, потому что он полностью доверился этому таинственному голосу, который его призывал».

Авраам – герой веры, потому что он шел вопреки всему. Бог обещал ему потомство, через которое благословятся все народы и племена земли, – но жена его была бесплодна и в преклонном возрасте. Бог обещал ему землю – но он был странником и чужаком. Он ничего не имел – кроме полного доверия к Богу. Он сказал высшему Бытию: «Да. Вот я, я иду за Тобой».

Поэтому апостол Павел две тысячи лет спустя говорит об Аврааме как о нашем всеобщем отце, отце всех верующих, прототипе человека, который доверяет Богу.

Слово «вера», в древнееврейском языке – *эмуна*, имеет тот же корень, что слово *амун* – надежный, верный. Авраам поверил Богу и поверил в Его верность Своему слову. Бытие, которое нас окружает, может казаться нам страшным, угрожающим, может казаться мрачной силой, и тогда оно таким и будет. Авраам был подобен другим язычникам, которые знали о демонических силах, окружающих мир, но он посмотрел выше и сказал: «Да, я иду». «Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность», – читаем мы в книге Бытия.

Обратите внимание: не сказано, что он поверил в Бога; поверить в Бога, в конце концов, суждено каждому человеку, а он поверил Богу, он Ему доверился, он поверил, что это слово есть действительно Высшее слово. И он не стал спрашивать: «Как же у меня будут потомки, если жена моя не может родить ребенка?» Он не спрашивал: «А как через моих детей благословятся все племена и народы земли?» Он ни о чем не спрашивал – поднялся и пошел. И Бог заключает с ним первый Завет.

Второй Завет будет заключен через несколько столетий, ок. XIII в. до Р. Х. Отдаленные потомки Авраама, небольшой клан, которые называли себя сынами Израиля, поселяются в Египте. Там им приходится терпеть притеснения фараона, и тогда Бог посылает им пророка, воспитанного среди египтян, носящего египетское имя Моисей. Он призывает их идти на свободу, зовет заключить с Богом Завет в пустыне – не в богатом Египте, где хотя и приходилось работать подневольно, но они были всегда сыты, имели кров и относительную безопасность, а в пустыне, где нет ни воды, ни жилья, где обитают демоны.

И Моисей с огромным трудом поднял этих людей, за долгое время укоренившихся в неволе, косных, и они пошли за ним – постоянно ропща и оглядываясь назад, на дом рабства. Это становится вечным архетипом, потому что каждый человек – раб зла, которое в нем сидит. И для того чтобы вырваться из рабства, необходимо совершить подвиг веры и пойти навстречу неведомому.

И вот они приближаются к горе Синай на юге Синайского полуострова, и там Бог через Моисея дает им десять заповедей. Из этих десяти заповедей только четыре относятся к Богу: полное Его почитание, отвержение всяких идолов, благоговение перед именем Господа, посвящение одного дня в неделю Богу. А все остальные относятся к человеческим отношениям.

Какой отсюда вывод? Это означает, что согласно Моисееву Откровению служить Господу можно в первую очередь тем, что ты служишь людям, братьям и сестрам твоим. Моисей принес эти заповеди на двух каменных досках-скрижалях; наверное, вы все помните их по репродукциям микеланджеловского Моисея, который держит эти каменные доски. Он дает две основные заповеди, которые впоследствии Иисус Христос определит как главные заповеди, на которых строится весь Ветхий Завет: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей крепостью твоею, и ближнего своего, как самого себя. Вот две заповеди.

Что это означает? Мы можем понять, что значит любить ближнего. В конце концов, Бог устроил так, что природа учит мать любить своего ребенка, мужчину – любить женщину, женщину – мужчину и т. д. в узком семейном кругу. Но из этой естественной любви возрастают и более широкие связи – дружеские связи; можно любить свое отечество, можно любить своих единомышленников, единоверцев. А как любить Бога? Между тем апостол Иоанн в Новом

Завете скажет: «Кто не любит брата, тот не любит Бога». Значит, это неразрывно связанные между собой заповеди. Конечно, вопрос этот решается только во внутреннем христианском опыте, вообще во внутреннем религиозном опыте.

Любовь к Богу начинается с благодарности. Ведь мы необычайно неблагодарные существа, и что бы у нас в жизни ни происходило, добро мы принимаем как должное. А мы ведь действительно ничего не заслужили из того прекрасного, что есть в жизни. Блестящий снег, голубое небо, осенний лес, звуки музыки – вся жизнь, вся красота жизни, полнота жизни, которая нам дана и которой мы так плохо пользуемся, – часто ли мы благодарим за это?

Здесь мне хочется напомнить стихотворение Дмитрия Мережковского, который как раз об этой благодарности и писал:

О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...

Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь, – в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.

Пока живу – Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру – с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей.

Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала.
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть – благодарю...

Благодарность за все. Один французский писатель в прошлом веке незадолго до смерти писал в своем дневнике: «У меня была прекрасная жизнь, я не знаю, кого благодарить, но я благодарю от всей души». Это искреннее признание дорогого стоит. Подумайте об этом. Можем мы любить солнце, ночь, звезды, любить воду, которую мы пьем, пищу – все, что нам дается? Подумайте о бытии, в которое мы включены, – сколько счастья в это вложено, хотя мы этого не заслужили и его отравляем и портим. Чьи это руки нас объемлют? Вот тогда вы вдруг ощутите, что Бога можно любить и что на самом деле можно любить только Его. Потому что все то, что мы любим на свете и кого мы любим, – все это через Него, в Нем, с Ним. Поэтому древнейшая заповедь о любви к Богу есть начало религии. В этой любви – и удивление, и восхищение, и, прежде всего, опять повторяю, благодарность.

Ветхий Завет содержит в себе важнейшее открытие: нравственное состояние общества теснейшим образом взаимосвязано с судьбой этого общества, и человек должен не просто в мечтах, а в реальной жизни осуществлять правду, добро и справедливость.

Когда дальнейшие события показали, как слабы и недостойны люди, явились пророки – великие писатели, создатели основных книг Ветхого Завета (за исключением Моисеевых), которые провозгласили: «Завет нарушен, и будет возмездие общине Ветхого Завета, древне-израильской Церкви», – возмездие, потому что зло порождает зло.

Прежде всего, был соблазн язычества. Иной раз мы удивляемся, почему люди так тянулись к язычеству. Так происходило, потому что язычник обоготворял войну, плодородие, секс, золото – все это представало в виде богов, властителей, или, как их называли на Востоке, ваалов, которым поклонялся народ. Это осталось и теперь, только носит другие названия.

Пророки выступали против тирании, несправедливости, угнетения, против религиозного формализма, против обрядоверия, против национального превозношения и шовинизма, против войн и насилия. По этой причине мы можем сказать: прав был Петр Чаадаев, который писал, что учение пророков – это не что-то ушедшее в прошлое и дорогое для нас лишь потому, что пророки предсказывали явление Христа, но это учение, которое актуально и сегодня.

Но пророки предсказывали также, что Бог заключит с Остатком Церкви (это особое понятие – Остаток, то есть те, кто сохранил верность) Новый Завет, по-еврейски *Берит Хадаша*, и предсказывали, как это свершится. Воля Творца, Царство красоты, полноты, гармонии, симфонии мира явится через Того, Кто будет истинным Царем человечества – не победоносным монархом, проливающим кровь и наступающим на голову врага, не диктатором и тираном, а Тем, Кто Сам придет к людям и будет страдать их страданиями, болеть их болезнями и примет на Себя грех мира, как бы примет на Себя тот удар возмездия, который неизбежно падает на мир, напоенный ядом зла.

Он принесет на землю Царство Божие.

И вот мы на пороге Нового Завета. Вы все знаете о празднике Рождества Христова, который воскрешает в нашей памяти великое событие – явление на земле истинного Царя.

Царь в древности назывался *помазанник*, по-еврейски – *машиах*, в греческой транскрипции – *мессия*; это слово сохранилось впоследствии и в русской терминологии. Происходит этот термин от обряда помазания. В глубокой древности, когда вождь, царь или пророк шли на свое служение, на их голову возливали чашу освященного елея – масла оливы, – который издревле символизировал сохранность, ограждение от дурного. По-гречески слово «помазанник» звучит как *Христос*.

Таков Царь Нового Завета. Один из поэтов прошлого века написал трогательную песенку: «Он родился не в палатах и не в убранных домах, там не видно было золота, где лежал Он в пеленах». Само рождение Христово происходит в убогой обстановке. Он рождается на задворках дома, там, где держат скот, и Его пеленают не в колыбельке, а в кормушке для скота. Христос приходит не как учитель, имеющий санкцию от авторитетных людей своего времени, не как завоеватель, не как жрец, не как философ, окруженный мудрыми учениками. Он приходит к людям как простолюдин, плотник из провинции. Он скрывает Свою тайну и открывает ее только тем, кто, увидев Его, узнал в Нем Божественное присутствие.

Для чего все это было нужно? Для чего это нужно и теперь? Для того, чтобы человек принял Его свободно, добровольно, чтобы не было никакого насилия над духом и совестью людей. Бог-громовец, Бог-властелин в какой-то мере является проекцией наших затаенных мечтаний, нашего подсознания. Когда мы хотим иметь такого господина, в нас живет раб, в нас живет тот, кто ищет «твердой руки». А мы видим другую руку – руку Христа, пронзенную и прибитую ко кресту. В Нем нет никаких проекций наших мечтаний. Он принял в Своей судьбе всю горечь человеческого существования: и труд, и непонимание близких, и горечь отвержения, и предательство, и неправый суд, и пытку, и смерть – все. Он вошел и спустился на дно нашего бытия, и призвал к Себе тех, кто сумел Его разгадать, разглядеть эту искру во мраке.

«Свет во тьме светит», – говорит нам апостол Иоанн. Евангельский свет светит во тьме. Это Новый Завет. Ветхий Завет заключен с Авраамом и Моисеем. Новый Завет заключен на Тайной вечере.

И здесь – уже совсем уничтоженное состояние Христа: не храм, не торжественный зал, а темная комната, где при лампадах собрались ученики, и Христос совершает таинственный обряд, и хлеб и вино перед ними.

Так был заключен Новый Завет – союз сердца, союз любви. Он продолжает жить и сегодня. Мы живем в трудную, но прекрасную эру Нового Завета.

Христос соединил Небо и землю, поэтому Он – единый Господь. Иисус – Его земное имя, по-древнееврейски *Йешуа*, по-гречески и по-русски – Иисус; Христос – это Царь, Царь нашего сердца, Царь грядущего мироздания, Царь, который противопоставил Свое Евангелие всем царствам мира сего.

Он принадлежит Небу, хотя пришел на землю. Поэтому мы называем Его Сыном Божиим. «Сын» на языке Библии означает «тот, кто принадлежит». Христос принадлежит Божественности. Он одновременно наш брат и наш Бог.

Огромные просторы Вселенной, бесконечные черные провалы космоса, таинственные процессы, которые совершаются в капле воды и в атоме, – все это находится в руках Творца незримого. И перед Ним стоим мы.

Для того чтобы мы услышали Его голос, Он должен был стать одним из нас, войти в человеческий мир. И Он открыл нам величайшую тайну. Его мудрость и мощь открылись в природе и мироздании через Иисуса Христа и через Его предтечей – пророков. Открылась Его воля. Воля Его в том, чтобы человек учился любви, учился открывать сердце, учился служению. В природе, в мироздании мы этого не найдем. Зато мы найдем это в слове Божиим, в Священном Писании, в двух Заветах, которые показывают нам трудный путь человека от трепета, восхищения, страха, противления и борьбы – к принятию Христа.

Как совершилось принятие, каков был этот торжественный момент близ города Кесарии Филипповой? Христос идет с учениками. Он отверг толпу, которая хотела провозгласить Его Царем. Он стал странником в чужих местах. И вот Он идет усталый, плащ Его покрыт пылью. Идет по дороге – и молчат ученики, в страхе, в непонимании. Глубокая любовь приковывает их к Нему. Но в то же время они не могут не задавать вопросов: почему Он отверг восторженную толпу, почему не возглавил поход против язычников, не сверг иго тирании, – Он, Который мог совершать чудеса?

Он о Себе молчит. А потом вдруг, как бы косвенно, спрашивает их: «Кем Меня считают люди?» Они начинают говорить: пророком, может быть, даже ожившим пророком, пророком, пришедшим из прошлого. И тогда Он спрашивает их, впервые недвусмысленно и прямо: «А вы за кого Меня принимаете?» И Петр говорит: «Ты – Христос, Сын Бога Живого».

И отвечает ему Господь: «Блажен ты, благословен ты, Симон Петр, потому что не человек тебе это открыл, не плоть и кровь, а Отец Небесный. Ты – Петр (что по-гречески значит «камень, скала»), и на этом камне Я создам Свою Церковь, и врата адовы не одолеют Ее».

Когда же Петр произнес эти слова? Он произнес их не в момент земного успеха Спасителя, а тогда, когда Он как бы терпел полное поражение, когда уже ничего нельзя было ожидать, когда Он был почти что изгнан. Вот тогда-то Петр увидел в этом Страннике, Изгнаннике, идущем по дороге, Христа – Сына Бога Живого.

Это был акт свободы и выбора, акт веры и верности. Вот на этом и стоит Символ веры. И эта его часть – для нас главная, потому что Бога Творца почитают и в других религиях – мусульмане, иудаисты и многие другие. Но для нас есть Откровение Божие в Иисусе Христе, которого нет ни в одной религии.

Всегда надо помнить, что во всех верованиях есть прекрасное искусство и музыка, колокола и четки, традиции, философия, богословие. Но Христос – только у нас. И поэтому не случайно мы все, миллиард с лишним человек на Земле, называемся христианами.

А потом Символ веры вводит нас более глубоко в тайну Иисусову. Об этом – в следующий раз.

Беседа третья

Яне побоюсь повториться: в великих мировых культурах и религиях есть свои храмы, песнопения, колокола, четки, трактаты, монастыри и многое другое. И главное отличие христианства от других мировых религий заключается в Евангелии, в личности Иисуса Христа.

Этой Личности, этого Откровения нет нигде. И как бы ни была велика личность Будды, основателя буддизма, его установки, его поучения, его принципы гораздо более существенны для буддизма, чем личность самого Гаутамы Будды. В конце концов, если бы и не было на свете Магомета, а просто кто-то неизвестный выдвинул бы эти важнейшие догматы: единый Бог, покорность Богу, молитвы несколько раз в день и т. д., – то ислам был бы таким, каков он есть и теперь.

А вот христианство без Иисуса Христа лишается своей сущности – самой последней и важнейшей.

В предсмертной повести Владимира Соловьева, которая называется «Краткая повесть об Антихристе» (теперь вы уже можете ее прочитать, поскольку она издана у нас) есть такая сцена: всемирный президент, властитель Земли, собирает представителей главных христианских Церквей. Он обещает католикам построить особо пышные храмы, православным – создать необычайно ценные музеи древнего церковного искусства, протестантам – основать новые институты для изучения Священного Писания, теологии. Казалось, все в восторге.

Но три руководителя Церквей – папа Петр, старец Иоанн и профессор Паули – ставят перед ним вопрос впрямую: как он относится к Иисусу Христу? «Ты все нам предлагаешь, кроме Него». Это христианство без Христа. Это эстетика, наука, традиция, богослужение. Но нет главного! Нет Сына Человеческого, распятого и воскресшего! И по этому признаку старец Иоанн, папа Петр и доктор Паули изобличают во всемирном президенте антихриста. Это принципиально важный момент, показывающий, как Владимир Соловьев смотрел на тайну христианства.

И надо сказать, что с его времени ничего не изменилось. И с того времени, когда было написано Евангелие, в этом смысле ничего не изменилось. «Я есть Альфа и Омега, начало и конец», – говорит Господь Иисус. А когда мы читаем древнейшие, хронологически древнейшие тексты Нового Завета, мы находим там слова апостола Павла, который говорит, что человек спасается, то есть приобщается к Богу, не через закон, не делами закона, а верою в Иисуса Христа.

Что это значит? Закон есть некая система жизни. Закон есть религия, являющаяся частью человеческой культуры. У этой культуры, естественно, как у нас любят говорить, «земные корни». Это все важно и необходимо. Но совершить перелом, совершить прорыв это культурное наследие не может, потому что в нем слишком много человеческого, *только* человеческого.

И только тогда, когда человек открывает для себя бессмертного, вечно живого Христа, тогда свершается то, что на специфическом библейском языке называется спасением – то есть приобщением человека к подлинной Жизни, о которой тоскует душа, к которой она стремится. Вот почему проповедь Свою Сам Господь Иисус назвал *бесора́*, что значит «радостное известие», по-гречески *евангелион*.

И мы это называем Радостной Вестью, Евангелием или Благой Вестью. О чем же эта Весть?

У бедуинов есть такой обычай: когда рождается мальчик, женщина, которая приняла такого мальчика, приходит к отцу и говорит: «Я возвещаю тебе великую радость – у тебя родился сын». И вот, открывая Евангелие от Луки, мы читаем там эти слова: ночью пастухи стерегут свои стада, и вдруг является им Слава Господня. На библейском языке это означает

явление Тайны в этом материальном мире. И они слышат: «Я возвещаю вам великую радость – ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть помазанник, Господь». (О том, что такое помазанник и царь, мы с вами говорили в прошлый раз.) Пришел Царь царствовать, но родился, как нищий.

Спустя 30 лет после рождественских событий на берегу реки Иордан произошел интересный диалог: два рыбака нашли своего друга, который также находился на берегу реки в толпе, и сказали ему странные слова: «Мы нашли Мессию». Рыбак сказал: «Кто это?» – «Это Иисус, сын Иосифа из Назарета». Он, конечно, не поверил. Тогда они сказали ему просто: «Пойди и посмотри». Это было главным доказательством, которое и сегодня мировое христианство приводит тем, кто хочет с ним познакомиться. Оно говорит эти два слова: «Пойди и посмотри».

И вот мы всматриваемся в образ Того, Кто перед нами начертан в Евангелии. Образ, который не потускнел за двадцать столетий. Какой великий гений мог создать такой образ? Недаром Жан Жак Руссо говорил, что тот, кто изобрел бы Христа, был бы еще более удивителен, чем Он Сам. Говорят о коллективном народном творчестве. Я думаю, что такого творчества не существует. Есть анонимное творчество. Тем не менее показательно, что Евангелие написано не одним человеком. Если бы это было одно Евангелие от Иоанна, мы сказали бы: «Вот был великий гений Иоанн, и он создал такой образ». Но евангелистов четыре. И каждый со своей точки видит образ Христа.

У писателей есть прием, который используется для того, чтобы придать образу большую рельефность, жизненность и правдоподобность. Для этого надо отметить недостатки, показать слабости героя, наложить тени на этот портрет. Евангелисты на образ Христа теней не накладывают. Тем не менее Он поразительно живой, поразительно реален и осязаем.

Прошли те времена, когда Евангелие считалось книгой, написанной в позднее время, через много-много поколений после жизни Иисуса Христа. Сейчас мы уже хорошо знаем, что все четыре Евангелия были написаны в том самом столетии, когда происходили евангельские события. Существуют древние манускрипты Евангелий, которые восходят к раннехристианскому времени.

Самым поздним было Евангелие от Иоанна, написано оно около 90 г. I в. И фрагмент рукописи этого Евангелия, датируемый примерно 130 г., был найден в Египте – то есть кто-то его уже переписал и привез в Египет. А ведь тогда не на самолетах летали, все это происходило очень медленно. О том, что эта книга была хорошо известна и распространялась с раннего времени, свидетельствуют тысячи древних папирусов и пергаментных манускриптов. Сотни из них принадлежат раннехристианскому времени. От античных писателей – и римских, и греческих (Гомер, Тацит, Вергилий) – не осталось такого количества древних рукописей. Большинство из них относится к эпохе Возрождения.

Кто и когда написал Евангелие? Как полагают, самым древним было не дошедшее до нас в оригинале Евангелие от Матфея, написанное на еврейском или арамейском языке. (Матфей был сборщиком пошлин, значит, вероятно, был наиболее грамотным среди учеников. По свидетельству епископа Папия, жившего во II в., Матфей написал свое Евангелие и потом его перевели на греческий.) То, что мы сегодня имеем как Евангелие от Матфея, – это уже греческая версия, составленная позднее, между 70 и 80-ми годами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.